

Кое-что изъ абхазскихъ повѣрій.

Вылавливаніе изъ рѣки души утопленника *).

По мнѣнію абхаза, душа утопленника не можетъ найти того мѣста, гдѣ покоятся души предковъ; она блуждаетъ вокругъ той рѣки, жертвой которой сдѣлался утопленникъ: каждую ночь, отъ заката до восхода солнца, она, вдали отъ предковъ, жалобно стонетъ, издаетъ свистъ и отчаяннымъ крикомъ оглашаетъ окрестности, которыя отвѣчаютъ ей такимъ же жалобнымъ эхомъ. Многіе путешественники слышали эти, душу раздирающіе, звуки; слышали, какъ блуждающая душа плачется на свое сиротство и на хладнокровіе родственниковъ. Если мужество не измѣнитъ путешественнику и онъ повнимательнѣе прислушивается, то сердце у него отъ чрезмѣрной жалости обливается кровью, и тутъ же онъ рѣшается во что бы то ни стало возратить душу ея предкамъ и тѣмъ освободить отъ страшнаго мученія и одиночества, тѣмъ болѣе что это не такъ трудно сдѣлать!

Вотъ какъ „выводятъ“ изъ рѣки душу утопленника. Все селеніе собирается на томъ мѣстѣ, гдѣ утопленникъ сдѣлался жертвой рѣки. Поперекъ рѣки, отъ одного берега къ другому, протягиваютъ красивый шелковый шнуръ, въ серединѣ котораго привязываютъ свѣжій, совершенно чистый мѣхъ; мѣхъ не касается воды. При привязываніи мѣ-

*) Авторъ помѣстилъ эту статью по-грузински въ журналъ „Моамбе“ за февраль 1897 г.

ха произносятъ: „душа (такого-то, имя утопленника), мы собрались переселить тебя въ домъ; послѣдуй за нами: тамъ встрѣтятъ тебя любящіе и тобой любимые! послѣдуй, обрадуйся и обрадуй насъ!“ Отверстіе мѣха открыто; народъ дѣлится на двѣ группы: одна группа становится на одномъ берегу, другая на другомъ. Тутъ начинаются пляска и пѣсни, приличествующія данному случаю. Печали здѣсь не должно быть, во-первыхъ, потому, что одна потерянная абхазская душа возвращается къ своимъ предкамъ, а, во-вторыхъ, потому, чтобы она не отказалась войти въ уготовленный для нея мѣхъ, избѣгая печали. Вотъ почему на обоихъ берегахъ происходитъ оживленная пляска, поются веселыя пѣсни: тамъ слѣпецъ-бандуристъ („апхіарца-арн'вавж“) бренчитъ на своей „апхіарца“, а окружающіе его старики тихо подтягиваютъ ему; немного дальше молодая красotka играетъ на балалайкѣ, и за нею молодежь обоого пола поетъ веселыя пѣсни, а еще дальше собрался особый кругъ, отплясывающій разные танцы. Выборные руководятъ всѣмъ этимъ и внимательно слѣдятъ, когда вселится въ мѣхъ очарованная сладкими пѣснями душа утопленника. Замѣтивъ раздуваніе мѣха (признакъ вселенія души), они подають знакъ, чтобы поющіе и играющіе нѣсколько понизили тонъ, еще нѣжнѣе, еще очаровательнѣе продолжали бы играть и пѣть: опасаются, какъ бы она, испугавшись шумнаго веселья, не отказалась войти въ мѣхъ и не осталась въ страшномъ мученіи и неизбѣжномъ одиночествѣ навсегда. По мѣрѣ проявленія „радостныхъ признаковъ“ на мѣхѣ, т. е. по мѣрѣ его раздуванія, шумъ и веселье постепенно утихаютъ. Но вотъ вселилась въ мѣхъ душа, затихли послѣдніе звуки—на мигъ молчаніе, и выборные, быстро подбѣжавъ къ мѣху, обвязываютъ его отверстіе. Теперь, когда душа въ мѣху, вновь начинаются пѣсни и пляска: большіе и малые, мужчины и женщины—всѣ

радуются, веселятся, шумной толпой съ сіяющими лицами направляются къ дому утопленника, гдѣ отвязываютъ отъ верстіе мѣха (нѣкоторые относятъ его сперва на могилу утопленника). Спасенная душа, почувствовавъ себя подъ собственнымъ кровомъ, отходить къ своимъ предкамъ, какъ если бы утопленникъ умеръ естественною смертію; народъ, обрадовавшись спасенію души собрата, расходится по домамъ.

Въ восточной Абхазіи теперь уже исчезъ обычай вылавливанія души утопленника, но въ западной ея части онъ и по сіе время существуетъ въ томъ же самомъ видѣ, какъ здѣсь описано.

И. Храмовъ,

учитель 1-го Тифлискаго городского (Авлабарскаго) училища.